

ЭСТЕР ФРИДМАН

НА ТРАНИ ВЕРЫ

Эстер Фридман

На грани веры

Книга является художественным произведением, основанным на реальных событиях. Все персонажи, их имена, а также названия организаций и мест вымышлены; любые совпадения с реальными людьми, событиями или названиями являются случайными и непреднамеренными.

Оглавление

Пролог

Глава 1: Золотая клетка и стеклянный потолок

Глава 2: Индустрия спасения

Глава 3: Похищение по закону

Глава 4: Подполье выживших

Глава 5: Удар в сердце тьмы

Эпилог

Пролог

Осколки тишины

Холодный октябрьский дождь стучал по крыше машины, словно пытался достучаться до тех, кто сидел внутри. Вера сжала руль так, что побелели костяшки пальцев. В зеркале заднего вида отражались лишь мокрый асфальт и пустота, но чувство, что за ней наблюдают, не исчезало уже неделю. Это был липкий, иррациональный страх, знакомый ей по годам жизни с Олегом — страх жертвы, которая знает: хищник где-то рядом, даже если его не видно.

На заднем сиденье спал десятилетний Костя, уткнувшись щекой в куртку. Рядом, свернувшись калачиком и обняв плюшевого зайца, дремала шестилетняя Алина. Её тонкие пальцы то и дело подрагивали, будто она пыталась удержать сон, как одеяло. На полу валялся Костин школьный рюкзак, рядом стоял пакет с продуктами — хлеб, молоко, яблоки, что-то в пластиковой упаковке. Обычный вечер вторника. Обычная жизнь, которую Вера выстраивала по кирпичику последние три года.

Жизнь, где она — успешный лидер сетевой компании, а не забитая домохозяйка, вздрагивающая от звука поворачивающегося в замке ключа.

Телефон на пассажирском сиденье ожил, высветив незнакомый номер. Вера колебалась секунду, но ответила.

— Вера Александровна? — голос был мужским, вкрадчивым, с едва заметным акцентом. — Мы звоним из службы опеки. Поступил сигнал.

— Какой сигнал? — сердце пропустило удар. — Кто вы?

— Это не телефонный разговор. Нам нужно встретиться. Речь идет о безопасности Константина и Алины. Есть мнение, что ваша... деятельность наносит им непоправимый психологический вред.

Связь оборвалась.

Вера резко вдохнула и тут же вспомнила, что в машине дети. Она посмотрела назад. В свете уличных фонарей Костино лицо казалось безмятежным, а Алина, не просыпаясь, крепче прижала к себе игрушку. От этого спокойствия стало только страшнее — как будто мир на секунду застыл, прежде чем треснуть.

Она еще не знала, что этот звонок — лишь первая нота в симфонии кошмара. Она не знала, что через два дня школа станет местом преступления, а закон, который должен защищать, превратится в удавку. Она не знала, что ее бывший муж Олег, ведомый ненавистью, уже подписал контракт с людьми, для которых разрушение семей — это просто бизнес, прикрытый громкими словами о «спасении душ».

В темноте за окном мелькнули фары черного внедорожника. Он стоял на обочине, не двигаясь.

Вера нажала на газ — осторожно, чтобы не дернуть спящих детей, — и почувствовала, как холодная осень проникает под кожу, становясь прологом к войне за реальность.

Глава 1: Золотая клетка и стеклянный потолок

Тишина в доме Наумовых всегда имела вес. Она не была спокойной или умиротворяющей; это была тяжелая, вязкая субстанция, которая оседала на плечах, забивалась в уши и мешала дышать. Вера научилась передвигаться сквозь эту тишину, как глубоководная рыба — плавно, без резких движений, чтобы не возмутить воду и не привлечь внимания хищника.

Хищник сидел во главе стола. Олег аккуратно разрезал стейк на идеальные квадраты. Звук ножа, скребущего по фарфору, был единственным, что нарушало мертвую тишину ужина.

— Ты пересолила, — сказал он, не поднимая глаз. Голос был ровным, лишенным эмоций, но Вера знала: это начало бури.

— Прости, — выдохнула она, инстинктивно сжимаясь. — Я готовила по рецепту, который ты...

— Рецепты для тех, у кого нет вкуса и мозгов, Вера. Я думал, за пятнадцать лет ты могла бы выучить мои предпочтения. Или твоя голова занята чем-то другим? Может быть, твоим больным отцом?

Упоминание отца было запрещенным приемом, но Олег любил бить по открытым ранам. Отец Веры, бывший преподаватель физики, медленно угасал в тумане деменции. Для Олега это было лишь лишним неудобством, пятном на безупречном фасаде их жизни.

Их брак напоминал золотую клетку, прутья которой были выкованы из финансового благополучия и социального статуса. Олег, совладелец крупной сети секонд-хендов «Евро-Стиль», для внешнего мира был образцом успеха. Галантный, щедрый на благотворительность, всегда с иголочки одетый. Никто не видел, как дома этот лощеный бизнесмен превращался в педантичного садиста, контролирующего каждый чек из супермаркета и каждую минуту жизни жены.

— Я просто устала, Олег, — тихо сказала Вера. Он поднял на нее взгляд. В его глазах, холодных и пустых, плескалось презрение.

— Устала? От чего? От сидения дома? От траты моих денег? Ты ничто без меня, Вера. Ты — ноль. Пустое место, которое я заполнил смыслом.

В тот вечер он не ударил её. Физическое насилие было редким, «праздничным» блюдом в меню его террора. Обычно хватало слов. Но именно в тот вечер, глядя на идеально нарезанное мясо, Вера поняла: если она не уйдет сейчас, то исчезнет. Растворится в этой тишине, станет частью интерьера, как дорогая ваза в прихожей.

Побег не был кинематографичным. Не было ночных гонок и перестрелок. Было унижительное собирание вещей в мусорные пакеты, пока Олега не было дома. Были испуганные глаза десятилетнего Кости

и шестилетней Алины. Было такси, вызванное к соседнему подъезду, и дрожащие руки, пересчитывающие отложенные тайком наличные.

Она ушла в никуда. К родителям, в тесную «двушку», пропитанную запахом лекарств и старости.

Прошло три года.

Офис компании сетевого маркетинга гудел, как улей. Вера стояла у окна, глядя на мокрый асфальт парковки, где блестела под дождем её новая машина — белый кроссовер. Не роскошный, но *свой*. Купленный на деньги, которые она заработала сама.

— Вера Александровна, вас ждут в конференц-зале! — окликнула её молодая ассистентка.

Вера обернулась и улыбнулась. В зеркале в холле отразилась не та забитая серая мышь, которой она была три года назад. На неё смотрела уверенная женщина в деловом костюме, с укладкой и живым блеском в глазах.

Сетевой маркетинг стал для неё спасательным кругом. Когда она, с двумя детьми и больным отцом на руках, искала работу, двери захлопывались одна за другой. «Нет опыта», «слишком большой перерыв», «дети будут болеть». Только здесь, в структуре, которую многие пренебрежительно называли «пирамидой» или «сектой», ей дали шанс.

Она начинала с прямых продаж, бегая с каталогами по знакомым, преодолевая стыд и страх отказа. Она помнила слова Аллы Корнеевой, женщины с похожей судьбой, чью историю она читала в интернете: *«Большинству это занятие может показаться несерьёзным, но мне этот бизнес позволил обрести материальную независимость»*. Эти слова стали её мантрой.

Вера работала по восемнадцать часов в сутки. Она училась, строила команду, помогала другим женщинам, оказавшимся в тупике. И успех пришел. Сначала — возможность оплачивать сиделку для отца.

Потом — съемная квартира, чтобы не теснить родителей. И, наконец, поездки на конференции, признание, статус.

Она доказала себе и миру, что существует. Но она забыла, что за каждым её шагом наблюдают.

Склад «Евро-Стиля» располагался в промзоне, среди серых бетонных коробок и ржавых железнодорожных путей. Внутри пахло пылью, дезинфекцией и чужой, поношенной жизнью. Огромные тюки с одеждой громоздились до самого потолка.

Олег Наумов стоял возле погрузочной рампы, наблюдая, как рабочие загружают фуру. На документах значилось: «Гуманитарная помощь. Танзания».

— Прекрасная партия, Олег, просто прекрасная, — раздался скрипучий голос за его спиной.

Витек Войнич вышел из тени. Это был невысокий, щуплый человек с лицом, напоминающим печеное яблоко. Его глаза, маленькие и черные, бегали, словно сканируя пространство на предмет опасности или выгоды. Витек был чешским партнером Олега, человеком без прошлого и, казалось, без возраста.

— В карманах проверили? — спросил Олег, не оборачиваясь. — В прошлый раз в партии из Германии нашли евро. Рабочие передрались.

— О, не беспокойся, мой друг. Мои люди работают чисто. Все ценное изъято. Танзанийским деревням достанется только тепло наших сердец... и немного синтетики.

Бизнес был простым и циничным. Они скупали неликвид в Европе за копейки, оформляли как благотворительность или ветошь, а затем продавали в Африке с наценкой в тысячи процентов. Но Олег чувствовал, что Витек что-то недоговаривает. В некоторых тюках, уходящих через «зеленые коридоры», вес не соответствовал объему. Иногда Олег замечал странных людей, приезжающих к Витеку на машинах с дипломатическими номерами. Но деньги текли рекой, и Олег предпочитал не задавать вопросов.

— Слышал, твоя бывшая женушка делает успехи, — внезапно сказал Витек, закуривая тонкую сигарету.

Олег напрягся. — Это не твоё дело, Витек.

— Ну почему же? Мы ведь партнёры. Друзья. Я видел её фото в соцсетях. Машина, поездки, улыбки... Она выглядит счастливой. Слишком счастливой для женщины, которая бросила такого мужчину, как ты.

Олег сжал кулаки. Ярость, которую он подавлял месяцами, вскипела мгновенно. Вера не имела права быть счастливой. Она должна была приползти к нему на коленях, умоляя о прощении. Она должна была погибнуть без его денег, без его руководства. Её успех был личным оскорблением. Плевком в лицо его системе ценностей.

— Она связалась с какой-то шарашкиной конторой, — процедил Олег. — Продает биодобавки идиоткам. — Ммм... —

Витек выпустил струйку дыма.

— Сетевой маркетинг. Опасная вещь. Знаешь, в Чехии это называется «коммерческими культами». Они меняют людям сознание. Делают их... неуправляемыми.

Слово «неуправляемая» резануло слух. Именно такой стала Вера. Чужой. Неподконтрольной.

— Она думает, что свободна, — продолжил Витек, подходя ближе. Его голос стал вкрадчивым, почти гипнотическим. — Но свобода — это иллюзия, Олег. Особенно для таких, как она. Слабых. Внушаемых. Ты ведь замечал, что она стала другой? Странной?

— Она всегда была истеричкой. А теперь ещё и отец у неё совсем с катушек съехал. Генетика.

— Вот видишь! — Витек поднял палец. — Генетика. Психическая нестабильность. А теперь ещё и секта. Ты уверен, что детям безопасно с ней?

Олег замер. Мысль, которую подбросил Витек, упала на благодатную почву. Дети. Его собственность. Его продолжение. Они живут с этой... сумасшедшей, которая возомнила себя бизнес-леди.

— Что ты предлагаешь? — глухо спросил Олег.

— Я ничего не предлагаю, — усмехнулся чех. — Я просто наблюдаю. Но если бы у меня украли семью... я бы сжег мосты, по которым они ушли.

Ноябрьский вечер был промозглым. Вера припарковала машину у дома родителей, забрала с заднего сиденья пакеты с продуктами и поспешила к подъезду. Костя был на тренировке, Алина у бабушки. У Веры был час тишины, чтобы подготовиться к завтрашней презентации.

Она не сразу поняла, что произошло. Сначала был звук — глухой хлопок, от которого задрожали стекла на первом этаже. Потом — свет. Яркий, оранжевый, неестественный.

Вера выронила пакеты и выбежала на улицу.

Её белый кроссовер полыхал, как факел. Пламя жадно лизало капот, подбираясь к лобовому стеклу. Черный дым поднимался в небо, смешиваясь с дождем.

— Нет... Нет! — закричала она, бросаясь вперед, но жар отбросил её назад.

Соседи выглядывали из окон, кто-то уже вызывал пожарных. Вера стояла, закрыв рот рукой, и смотрела, как огонь пожирает символ её независимости. В отблесках пламени ей показалось, что она видит знакомый силуэт в конце двора. Мужская фигура в длинном пальто. Человек стоял неподвижно, наблюдая за пожаром, а потом медленно развернулся и растворился в темноте.

Полиция приехала через сорок минут, когда от машины остался лишь обгоревший остов.

— Поджог? — лениво спросил лейтенант, заполняя протокол под светом уличного фонаря. — Камеры есть? — Вон там, на углу дома, —

Вера указала дрожащей рукой. — Там должно быть видно. Это мой бывший муж. Я знаю, это он!

— Гражданочка, не надо обвинений без доказательств, — поморщился полицейский. — Может, проводка. Или хулиганы. У вас враги есть?

— Мой муж — мой враг! Он угрожал мне! Он говорил, что уничтожит меня!

Лейтенант вздохнул, всем своим видом показывая, как ему надоели эти семейные разборки. — Пишите заявление. Разберемся. Но сразу говорю: если на камере лица не видно, шансов мало. «Висяк».

Вера вспомнила историю Аллы Корнеевой. В ноябре 2013 года её мужа зафиксировала камера, когда он поджигал машину, но дело так и не сдвинулось с мертвой точки. Система не защищала жертв. Система защищала тех, у кого есть связи и деньги.

Она вернулась в квартиру, пахнущую гарью, которая въелась в волосы и одежду. Отец сидел в кресле, раскачиваясь из стороны в сторону.

— Верочка, там костер? Пионеры жгут костер? — спросил он с детской улыбкой.

— Да, папа. Пионеры, — прошептала она, сползая по стене на пол.

Слезы душили её. Это был не просто поджог. Это было послание: «Ты нигде не спрячешься. Все, что ты построишь, я сожгу».

Олег сидел в кабинете Витека, вертя в руках стакан с виски. Адреналин после «прогулки» все еще бурлил в крови, но удовлетворения не было. Машина сгорела, но Вера... Вера не сломалась. Он видел, как она кричала, но в её глазах не было той покорности, которую он жаждал увидеть. Там была ненависть.

— Грубо работаешь, Олег, — сказал Витек, перебирая бумаги на столе. — Поджог — это уголовщина. Если копы начнут копать...

— Не начнут. У меня все схвачено в районе.

— Возможно. Но это не вернет тебе детей. И не поставит её на место. Насилие делает из неё жертву в глазах общества. А тебе нужно сделать из неё *монстра*.

Витек пододвинул к Олегу визитную карточку. На плотном белом картоне не было логотипов, только имя и телефон. *Александр Корелов. Юридическая помощь. Консультации по вопросам религиозной безопасности.*

— Кто это? — спросил Олег.

— Люди, которые умеют решать проблемы системно, — ответил Витек, и его улыбка стала похожа на оскал черепа. — В России есть мощные структуры, которые борются с сектами. Они называют это «депрограммированием», «спасением душ». Но по сути... они ломают тех, кто посмел выйти за рамки.

Олег взял карточку.

— Ты хочешь сказать, что Вера — сектантка?

— А разве нет? — Витек развел руками. — Она изменилась. Она отдает деньги в компанию. Она вовлекает других. Она не слушает мужа. Для специалистов этого достаточно. Они помогут тебе доказать, что она психически ненормальна. Что она опасна для детей.

Олег вспомнил слова адвоката Корелова, которые читал в одной из статей, подсунутых Витеком: *«Понятие секта включает в себя не только религиозный феномен... К сектам можно причислить и псевдо-психологические и коммерческие организации»*.

Пазл сложился. Ему не нужно просто бить Веру или жечь её вещи. Ему нужно объявить её сумасшедшей фанатичкой. Лишить её прав. Лишить её голоса. И тогда закон сам отдаст ему детей, а общество будет аплодировать ему как спасителю.

— Сколько это стоит? — спросил Олег.

— Дорого, — ответил Витек. — Но результат гарантирован. Они приедут, состряпают экспертизу, выступят в суде. У них есть свой

«профессор» — Дворкин. Величина! Его слово в суде весит больше, чем все слезы твоей жены.

Олег посмотрел на визитку, затем на огонь в камине. — Звони, — сказал он. — Я хочу уничтожить её. Полностью.

Витек кивнул и потянулся к телефону. В полумраке кабинета казалось, что тени за его спиной сгустились, принимая очертания чего-то огромного и голодного.

Олег еще не знал, что, набирая этот номер, он не просто нанимает адвокатов. Он открывает дверь в мир, где правда не имеет значения, где психиатрия становится дубиной, а вера — инструментом репрессий. Он думал, что использует систему, но на самом деле система уже приготовилась использовать его.

Телефонный гудок звучал как обратный отсчет. Где-то в городе Вера смывала с себя сажу, не подозревая, что её «золотая клетка» сменилась прицелом снайперской винтовки, курок которой уже начали нажимать.

Глава 2: Индустрия спасения

Офис «Центра религиоведческих исследований» располагался в помещении старого здания в одном из тихих районов Москвы. Здесь пахло ладаном, дешевым растворимым кофе и пылью бумажных архивов. На стенах висели православные календари и странные схемы.

Олег Наумов сидел на жестком стуле, сжимая в руках папку с распечатками из социальных сетей Веры. Напротив него расположился человек, представившийся Игорем Анатольевичем — региональным представителем РАЦИРС (Российской ассоциации центров изучения религий и сект). Это был грузный мужчина с одутловатым лицом и бегающими, водянистыми глазами, в которых читалась смесь фанатизма и глубокой, застарелой обиды на мир.

— Вы поступили правильно, что пришли к нам, Олег Викторович, — голос Игоря Анатольевича был вкрадчивым, обволакивающим. — Многие мужчины в вашей ситуации опускают руки. Они думают, что жена просто ушла, нашла другого, увлеклась бизнесом... Но мы-то с вами понимаем: это не бизнес.

Олег кивнул, чувствуя, как напряжение последних недель начинает отпускать. Здесь его понимали. Здесь не задавали вопросов, почему он сжег машину. Здесь видели корень зла.

— Она изменилась, — хрипло сказал Олег. — Стала чужой. Говорит заученными фразами. Деньги какие-то появились, поездки... Она не слушает меня. Вообще.

— Классическая картина, — «эксперт» сокрушенно покачал головой, перебирая бумаги. — Типичная трансформация личности под воздействием психокульта. Ваша супруга стала жертвой так называемого «коммерческого культа». На первый взгляд — продажа косметики или добавок. А внутри — жесткая тоталитарная структура, использующая методы контроля сознания, разработанные еще спецслужбами США.

Игорь Анатольевич пододвинул к Олегу брошюру с кричащим заголовком: *«Осторожно: Секты! Как спасти близких от духовной гибели»*.

— Поймите, Олег, той Веры, которую вы знали, больше нет. Ее личность стерта. Вместо нее — программа. Адепт. Зомби. В нашем профессиональном кругу мы называем это «индуцированным бредом». Она не способна принимать решения, не способна любить. Она — инструмент в руках кукловодов.

Олег слушал, и каждое слово падало бальзамом на его уязвленное эго. Значит, он не тиран. Он не неудачник, от которого сбежала жена. Он — жертва. Его семью атаковали враги.

— А дети? — спросил он. — Костя и Алина живут с ней.

— И это самое страшное, — лицо эксперта стало жестким. — Дети в таких культах — расходный материал. Их психику ломают с ранних лет. Вы слышали про «черные списки»? Мы ведем реестр организаций, угрожающих национальной безопасности. Компания, в которой работает ваша жена, находится в одном ряду с запрещенными экстремистскими группировками.

Игорь Анатольевич наклонился через стол, понизив голос до шепота: — Вы не просто боретесь за опеку, Олег Викторович. Вы совершаете гражданский подвиг. Вы спасаете детей от экстремизма. Но чтобы победить, нам нужно действовать жестко. Система опеки и суды инертны. Им нужны доказательства. И мы их создадим.

Информационная атака началась через три дня. Это было похоже на прорыв плотины: сначала тонкая струйка грязи, затем — неудержимый поток, сметающий все на своем пути.

Вера узнала об этом от подруги, которая позвонила ей в семь утра, задыхаясь от волнения. — Вер, ты видела? Ты читала городской паблик?

— Нет, что случилось?

— Зайди. Срочно.

Вера открыла ноутбук. На главной странице популярного городского новостного портала висел заголовок, набранный жирным шрифтом: *«СЕТИ ДЬЯВОЛА: Как под видом бизнеса в нашем городе вербуют адептов в тоталитарные секты».*

Статья была написана бойким, агрессивным языком. Автор, некий Евгений Ошмарин (местный блогер, известный своими скандальными расследованиями), живописал ужасы «психокультов». В тексте не было прямых доказательств, но была виртуозная манипуляция фактами.

«Организации, подобные той, где "трудится" гражданка Н., используют методы массового гипноза и НЛП. Людей заставляют продавать квартиры, брать кредиты, отказываться от семей. Это не просто бизнес — это угроза национальной безопасности, сравнимая с терроризмом», — гласил текст.

Имя Веры не называлось полностью, но было достаточно деталей — «мать двоих детей», «бывшая жена известного предпринимателя», «активный лидер структуры» — чтобы любой знакомый понял, о ком речь. Рядом с текстом была размещена размытая фотография Веры с одной из конференций, где она стояла на сцене с микрофоном. Подпись гласила: *«Экстаз адепта во время сеанса коллективного внушения»*.

Вера почувствовала, как холодеют руки. Это была ложь. Чудовищная, абсурдная ложь. Но комментарии под статьей пугали еще больше. *«Таких надо изолировать!» «Куда смотрит опека? У нее же дети!» «Сжечь ведьму!» «Я знаю ее мужа, святой человек, сколько он натерпелся от этой истерички»*.

Это было только начало. В течение недели подобные материалы появились в местных газетах и на десятке форумов. Технология была отработана до мелочей: использовался метод «вины по ассоциации». В статьях деятельность Веры ставилась в один ряд с «Аум Синрикё», сатанистами и неонацистами. Журналисты, явно работавшие по методичкам РАЦИРС, жонглировали терминами «зомбирование», «промывка мозгов» и «деструктивный культ», создавая образ врага.

Веру превращали в «недочеловека». Как писали исследователи феномена антикультизма, термин «сектант» в современной России стал таким же стигматизирующим клеймом, как слово «еврей» в нацистской Германии. Обществу внушали: этот человек опасен, он не имеет прав, его нужно уничтожить ради общего блага.

Олег снова сидел в кабинете Витека Войнича. На столе перед ними лежала свежая газета. Витек улыбался, потягивая коньяк.

— Хорошая работа, — одобрительно кивнул чех. — Знаешь, Олег, это умный ход — использовать прессу как артиллерию перед наступлением пехоты. Теперь она — изгой.

— Соседи перестали с ней здороваться, — с мрачным удовлетворением заметил Олег. — Вчера мне звонила директриса

школы. Спрашивала, правда ли, что Вера состоит в секте. Она боится, что Вера начнет вербовать других родителей.

— Вот видишь! Страх — лучшее оружие. Но этого мало. Тебе нужен документ. Бумага, которая развяжет тебе руки юридически.

Витек достал из ящика стола плотный конверт. — Это прислали от самого профессора Дворкина и его коллег. Это заключение комплексной психолого-психиатрической экспертизы.

— Но они же не видели Веру, — удивился Олег, беря конверт.

— А зачем? — усмехнулся Витек. — Наука шагнула далеко вперед. Им достаточно анализа ее текстов в соцсетях, видеозаписей выступлений и... моих показаний. Ну и твоих, конечно.

Олег открыл документ. Текст пестрел сложными терминами. *«На основании анализа материалов выявлены признаки индуцированного бредового расстройства... Снижение критического мышления... Эмоциональная неустойчивость... Зависимость от группового лидера... Субъект представляет потенциальную опасность для несовершеннолетних детей ввиду возможного вовлечения их в деструктивную деятельность...»*

— «Индуцированное бредовое расстройство», — прочитал Олег вслух. — Звучит серьезно.

— Это приговор, друг мой. С этой бумагой ты можешь идти в опеку, в суд, в полицию. Никто не станет слушать сумасшедшую сектантку, когда на столе лежит заключение уважаемых экспертов из Москвы. Ты спасаешь детей от сумасшедшей матери. Ты — герой.

Олег смотрел на подписи под документом. Кандидаты наук, психологи, религиоведы. Люди с регалиями, которые, не видя человека, поставили ему диагноз. Он вспомнил слова Игоря Анатольевича: *«Мы должны уметь владеть техниками дрессировки»*. Да, Вера нуждалась в дрессировке. Или в изоляции.

— Кстати, — добавил Витек, стряхивая пепел. — Твой тесть. Отец Веры. Как он?

— Плохо. Деменция прогрессирует. Иногда не узнает даже Веру.

— Отлично. Это еще один козырь. Мы можем заявить, что секта пытается завладеть его квартирой. Старики — легкая добыча. Если мы подадим это правильно, опека заберет у Веры не только детей, но и отца. Мы объявим ее недееспособной опекуншей.

Олег почувствовал укол совести — совсем слабый, где-то на периферии сознания. Отец Веры был безобидным стариком. Но потом он вспомнил взгляд Веры во время пожара. Ее ненависть. И совесть замолчала.

— Делай, что нужно, — сказал он.

Для Веры мир сузился до размеров ее квартиры. Выходить на улицу стало физически больно. Она чувствовала на себе взгляды — осуждающие, испуганные, брезгливые.

В школе, куда она пришла забирать Костю, учительница отвела ее в сторону.

— Вера Александровна, — женщина нервно теребила край жакета. — Тут такие разговоры ходят... Родительский комитет беспокоится. Вы понимаете, мы не можем рисковать психикой других детей. Может быть, вам стоит... перевести Костю на домашнее обучение? Или пусть его забирает папа?

— Папа? — Вера задохнулась от возмущения. — Папа, который поджег мою машину? Папа, который терроризирует нас? Вы верите этим газетенкам?

— Ну, дыма без огня не бывает, — учительница поджала губы. — И потом, Олег Викторович принес документы. Заключение экспертов. Там написано, что вы... не совсем здоровы.

Вера выбежала из школы, таща за руку упирающегося Костю.

— Мам, ты чего? — ныл сын. — Пацаны говорят, что ты в секте. Это правда? Папа сказал, что ты болеешь головой.

Дома она попыталась позвонить юристу, которого ей посоветовали знакомые. Но тот, услышав фамилию «Наумова» и слово «секта», сразу сменил тон. — Знаете, я сейчас очень занят. И вообще, делами об экстремизме я не занимаюсь. Это вам к уголовному адвокату надо. И готовьтесь, против вас работает машина. РАЦИРС — это серьезно. Они людей перемалывают.

Вечером, уложив детей, Вера сидела на кухне, глядя в темноту двора. Она читала статьи о деятельности Дворкина и его последователей. То, что она находила, заставляло волосы шевелиться на голове.

Она узнала, что «сектоведение» Дворкина не имеет ничего общего с наукой. Что его методы сравнивают с нацистской пропагандой времен Третьего рейха. Что термин «промывка мозгов» — это псевдонаучный миф, используемый для оправдания насилия. Она читала истории матерей, у которых отобрали детей по таким же сфабрикованным диагнозам.

«Когда общество воспринимает человека как жертву "промывания мозгов", он утрачивает статус полноценной личности. Его начинают воспринимать как зомби. Такое восприятие легитимизирует насилие», — писали правозащитники.

Вера поняла: ее не просто хотят лишить родительских прав. Ее хотят расчеловечить. Сделать так, чтобы любое насилие над ней — похищение детей, принудительное лечение, тюрьма — воспринималось обществом как благо, как «помощь».

Звонок в дверь раздался в одиннадцать вечера. Вера вздрогнула. Она подошла к глазку, но там было темно — кто-то закрыл обзор пальцем. — Кто там? — спросила она, стараясь, чтобы голос не дрожал.

— Полиция. Откройте, поступил сигнал о жестоком обращении с детьми.

Вера не открыла. Она знала, что без ордера они не войдут. Но за дверью слышались голоса. Один принадлежал участковому, а второй... второй был голосом Олега.

— Она там, я знаю! Она накачивает их наркотиками! Ломайте дверь! — кричал он.

— Олег Викторович, успокойтесь, нет оснований ломать, — бубнил участковый. — Завтра придем с опекой.

Они ушли, но страх остался. Он пропитал стены, въелся в обои.

На следующий день Олег встретился с Игорем Анатольевичем в кафе. «Эксперт» выглядел довольным.

— Процесс пошел, Олег Викторович. Общественное мнение подготовлено. Статьи сделали свое дело. Теперь Вера — изгой. Но есть проблема.

— Какая?

— Суды. Это долго. Экспертизы, встречные иски... Она может затянуть процесс на годы. А дети находятся под ее влиянием прямо сейчас. Каждый день промедления — это риск необратимых изменений в их психике.

Игорь Анатольевич помешал ложечкой кофе и пристально посмотрел на Олега. — Иногда закон бессилен перед лицом такой угрозы. Иногда отцу приходится брать ответственность на себя. В прямом смысле.

— Что вы имеете в виду?

— Вы — отец. Вы не лишены родительских прав. Вы имеете полное право забрать своих детей и увезти их в безопасное место. На «реабилитацию». У нас есть специализированные центры, где с детьми работают психологи, помогают им выйти из-под влияния культа.

Олег замер. Похищение? Нет, это звучало слишком грубо. Спасение.

— Но полиция...

— Полиция не вмешается в семейный конфликт, если у вас на руках будут документы. А они у вас есть. Справка о том, что мать опасна. Мы обеспечим юридическое прикрытие. Скажем, что это была экстренная мера. Крайняя необходимость.

К столику подошел Витек. Он слышал последнюю часть разговора.

— У меня есть дом в горах, — тихо сказал он. — Недалеко от границы. Тихое место. Никаких телефонов, никакого интернета. Детям там понравится. А Вера... Вера сойдет с ума от неизвестности. И тогда она точно совершит ошибку, которая позволит нам закрыть ее в психушку навсегда.

Олег представил себе лицо Веры, когда она придет в школу и не найдет там детей. Представил ее панику. Ее боль. И эта боль показалась ему сладкой. Это была справедливая плата за то унижение, которое он испытал, когда она ушла.

— Когда? — спросил Олег.

— Завтра, — ответил Игорь Анатольевич. — Завтра у нее презентация в офисе. Она будет занята. Забирайте парня прямо с уроков. Мы подготовим письмо для директора школы, что вы забираете сына на санаторное лечение по рекомендации врачей.

Олег кивнул. В его голове уже не было сомнений. Он не преступник. Он — воин света, сражающийся с тьмой. Антикультисты убедили его в том, что любовь к детям требует жестокости к матери.

Он вышел из кафе, чувствуя себя полководцем перед решающей битвой. В кармане лежала справка с диагнозом Веры — его лицензия на насилие. Он еще не знал, что этот шаг станет точкой невозврата, после которой разрушится не только жизнь Веры, но и остатки его собственной человечности.

Где-то в городе Вера обнимала спящих детей, не подозревая, что это их последняя спокойная ночь. Механизм «индустрии спасения» уже занес свой молот, чтобы разбить их семью вдребезги.

Глава 3: Похищение по закону

Серый внедорожник с тонированными стеклами стоял у ворот школы Кости уже сорок минут. Двигатель работал на холостых оборотах, выпуская в морозный воздух белые облачка пара.

Олег Наумов сидел на заднем сиденье, нервно теребя запонку на манжете рубашки. Рядом с ним расположился человек, которого Витек представил как «специалиста по кризисным ситуациям». Его звали Глеб — бывший силовик с пустыми глазами и шеей, плавно переходящей в плечи.

— Не дрейфь, папаша, — прохрипел Глеб, не отрывая взгляда от школьного крыльца. — Мы не похищаем. Мы спасаем. Запомни эту формулировку. Если кто спросит — спасательная операция по изъятию несовершеннолетних из зоны психологического риска.

Олег кивнул, но сухость во рту не проходила. В кармане его пиджака лежал сложенный вчетверо лист бумаги — уведомление для директора школы, составленное адвокатом Александром Кореловым. Юридически безупречный документ, прикрывающий то, что по сути являлось киднеппингом.

— А если он начнет кричать? — спросил Олег. — Костя... он может испугаться.

— Для этого у нас есть психолог, — Глеб кивнул на переднее сиденье, где сидела женщина с жестким лицом, напоминающая надзирательницу женской колонии. — Она объяснит мальчику, что мама заболела. Что мама в беде. Дети верят, когда говоришь уверенно.

Операция началась ровно в 13:15, когда прозвенел звонок с последнего урока.

Олег вышел из машины в сопровождении Глеба и еще одного крепкого парня. Они двигались клином, разрезая толпу галдящих школьников. Охранник на входе попытался было преградить им путь, но Глеб молча сунул ему под нос удостоверение частного охранного

предприятия с какой-то сложной аббревиатурой, напоминающей государственную. Охранник стушевался.

Они перехватили Костю в холле, когда тот надевал куртку. — Папа? — мальчик замер, один рукав куртки свисал, рюкзак сполз с плеча. — Ты чего здесь? Мама должна приехать...

— Мама не приедет, сынок, — Олег старался, чтобы голос звучал твердо, но нотки истерики прорывались сквозь фасад уверенности. — Маме плохо. Она... она попала в больницу.

— В больницу? — глаза Кости расширились от ужаса.

— Нет, не физически, — вмешалась женщина-психолог, мягко, но цепко беря мальчика за локоть. — У твоей мамы проблемы с головой, Костя. Она попала в секту. Мы должны спасти тебя, пока она не сделала что-то страшное.

— Какую секту? Вы врете! — Костя попытался вырваться, но рука Глеба легла ему на плечо тяжелой плитой.

— Без сцен, пацан, — тихо сказал «специалист». — Идем в машину. Это для твоего же блага.

Вокруг начали останавливаться другие дети и учителя. Кто-то достал телефон.

— Что происходит? — раздался голос завуча. Олег сунул ей бумагу.

— Я отец. Я забираю сына. У меня есть основания полагать, что его жизни угрожает опасность со стороны матери. Вот заключение экспертов.

Завуч пробежала глазами документ с печатями «Центра религиоведческих исследований». Слова «индуцированный бред», «социальная опасность» и «экстремистская организация» сделали свое дело. Она отступила.

— Ну, раз отец... — пробормотала она, отводя взгляд.

Костю буквально внесли в машину. Двери захлопнулись, отрезая его от привычного мира. Внедорожник сорвался с места, увозя мальчика

в новую реальность, где любовь матери будет объявлена болезнью, а предательство отца — высшим актом заботы.

Вера приехала через десять минут. Она увидела пустой школьный двор и почувствовала, как ледяной холод сжимает сердце. Интуиция, обостренная месяцами травли, кричала об опасности.

Когда охранник, пряча глаза, сказал ей: «Отец забрал, с какими-то людьми», земля ушла у нее из-под ног.

В отделении полиции, куда она примчалась, нарушая все правила дорожного движения, ее встретили равнодушием, граничащим с издевательством. Дежурный лениво листал журнал, даже не глядя на рыдающую женщину.

— Гражданочка, я вам русским языком говорю: состава преступления нет. Отец имеет такие же права на ребенка, как и вы. — Он увез его с неизвестными людьми! Он угрожал мне! — кричала Вера, сжимая кулаки так, что ногти впились в ладони. — Это похищение!

— Похищение — это когда чужой дядя в мешок сует. А тут родной папа. Может, он его в Диснейленд повез.

— Какой Диснейленд?! Он состоит в сговоре с экстремистами! С антикультистами! Они хотят сломать ребенку психику!

Дежурный поднял на нее тяжелый взгляд. — А вот это уже интересно. Нам тут звонили, предупреждали, что придет одна... неадекватная. Из секты какой-то. Вы, гражданочка, лучше идите домой, проспите. А то ведь мы можем и психиатрическую бригаду вызвать. У нас есть сигнал, что вы состоите на учете как склонная к истерикам.

Вера замерла. Она поняла: они знают. Система уже получила команду «фас». Олег и его покровители из РАЦИРС подготовили почву везде. Полиция не поможет. Полиция — часть этой стены.

Она вышла на крыльцо отделения. Город казался чужим, враждебным лабиринтом. Телефон молчал — номер Олега был недоступен, телефон Кости отключен. Она была одна против невидимого, но всемогущего врага.

Дом в горах, куда привезли Костю, напоминал крепость. Высокий забор, камеры по периметру, глухая тишина, нарушаемая только лаем собак где-то вдалеке. Это был один из тех «реабилитационных центров», о которых шептались в кулуарах, но существование которых официально отрицалось.

Здесь не было пыточных инструментов в средневековом понимании. Пытка была тоньше. Она была психологической.

Костю поселили в комнате без окон, с одной лампочкой под потолком. У него забрали телефон, часы, даже шнурки из кроссовок — «чтобы не навредил себе».

Процесс, который антикультисты называли «выходом из секты», а правозащитники — «депрограммированием», начался в тот же вечер.

В комнату вошел мужчина средних лет с мягкой, вкрадчивой улыбкой. Это был «экзит-консультант», приглашенный Витеком специально для этого случая. Его услуги стоили Олегу целое состояние — по прайсу, схожему с японскими расценками на подобные услуги, где отчаявшиеся родители платили до 40 000 евро за «спасение» детей.

— Здравствуй, Константин, — сказал консультант, садясь на стул напротив кровати. — Мы здесь, чтобы помочь тебе понять правду.

— Я хочу к маме, — глухо ответил мальчик, свернувшись калачиком у стены.

— Твоя мама... она сейчас не совсем твоя мама, — мягко возразил мужчина. — Ты знаешь, что такое вирус? Компьютерный вирус? Костя кивнул. — Так вот, в голову твоей мамы попал вирус. Злой вирус, который заставляет ее делать плохие вещи. Она любит не тебя, Костя. Она любит Организацию. Она продала твою душу за банки с порошком и поездки за границу.

Час за часом, день за днем. Методика была отработана десятилетиями, начиная с американской организации CAN (Cult Awareness Network), чьи методы включали похищение, насильственное удержание и психологическое давление. Рик Алан Росс, бывший

взломщик ювелирных магазинов, ставший гуру депрограммирования, мог бы гордиться работой своих российских учеников.

Косте не давали спать. Как только он начинал дремать, входил «консультант» и начинал новый цикл разговоров. Ему показывали страшные видеоролики о массовых самоубийствах в сектах, говоря: «Твоя мама ведет тебя к этому». Ему читали отрывки из книг Дворкина, где любой успех вне традиционной системы объявлялся сатанизмом.

Олег наблюдал за этим через монитор в соседней комнате. Витек стоял рядом, положив руку ему на плечо. — Жестко, — прошептал Олег, видя, как сын плачет на экране.

— Хирургия всегда выглядит кроваво, — философски заметил чех. — Но мы вырезаем опухоль. Ты же не хочешь, чтобы он стал зомби, как Вера? Посмотри, он уже начинает сомневаться. Он ломается. Это хорошо. На обломках мы построим новую личность. Правильную.

Олег не знал, что в этот момент он оплачивает не спасение сына, а его уничтожение. Он не знал, что методы, применяемые к Косте, были признаны пытками в большинстве цивилизованных стран. Он верил, что совершает подвиг.

Судебный процесс по определению места жительства детей превратился в показательную казнь. Зал заседаний был набит журналистами, которых пригласила сторона истца. Вспышки камер слепили Веру, когда она входила в зал. Она похудела, под глазами залегли тени, но спину держала прямо.

Адвокат Олега, Александр Корелов начал выступление с театральным пафосом.

— Ваша честь, мы рассматриваем не просто семейный спор. Мы рассматриваем дело о спасении душ. Ответчица, Вера Наумова, является активным адептом деструктивного коммерческого культа.

На стол судьи легли два увесистых тома. — Что это? — спросила судья, женщина с усталым лицом.

— Это комплексная психолого-психиатрическая экспертиза, проведенная специалистами РАЦИРС и кафедрой сектоведения Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета, — торжественно объявил адвокат. — Двести страниц научного анализа.

Вера с ужасом смотрела на эти папки. Она знала, что там написано. Ее адвокат, молодой парень, которого она нашла в последний момент (никто из опытных юристов не хотел связываться с «сектантским» делом), попытался протестовать:

— Ваша честь, эта экспертиза проведена заочно! Эксперты ни разу не встречались с моей подзащитной. Это нарушение всех норм!

— Экспертиза проведена по материалам открытых источников, — парировал Корелов. — Анализ ее постов в соцсетях, видеозаписей выступлений, свидетельств очевидцев. Наука позволяет делать выводы дистанционно, когда объект опасен.

В качестве свидетеля вызвали «эксперта» — местного представителя РАЦИРС. Он говорил уверенно, сыпал терминами.

— Организация, в которой состоит ответчица, использует методы нейролингвистического программирования. Они подменяют традиционные ценности жадной наживы. Они используют оккультные практики под видом тренингов личностного роста. Вера Наумова демонстрирует классические признаки «сектантской зависимости»: отчуждение от семьи, смена круга общения, эйфория, некритичное восприятие лидеров.

— Но я просто продаю косметику и БАДы! — не выдержала Вера. — Я зарабатываю деньги, чтобы кормить детей! Я плачу налоги!

— «Просто продаете»? — эксперт усмехнулся. — В заключении, страница 45, приведен анализ вашей речи на конференции. Вы говорите о «визуализации успеха». С точки зрения православного сектоведения, это магическое мышление. Это колдовство, упакованное в маркетинг. Вы вовлекаете детей в этот оккультизм.

Судья листала экспертизу. Синие печати религиозного университета, ссылки на авторитетные книги Александра Дворкина (который, по сути, цитировал сам себя), страшные слова «тоталитарная секта» — все это давило на суд своим псевдонаучным весом.

— Ваша честь, — продолжил адвокат Олега. — Мы также приобщаем к делу показания отца ответчицы. Вера похолодела.

— Папы? Но он... он болен.

— У нас есть нотариально заверенное заявление, — адвокат достал бумагу. — В нем отец Веры Александровны утверждает, что дочь пыталась заставить его переписать квартиру на нужды секты. И что она морила его голодом, заставляя принимать «чудо-таблетки» вместо лекарств.

Вера вспомнила свой последний визит в больницу к отцу. Врачи не пустили ее, сославшись на карантин. Теперь она понимала почему. Там, за закрытыми дверями, беспомощного старика с деменцией обрабатывали так же, как Костю в горах. Ему внушали, что дочь — враг. Ему подсовывали бумаги, которые он подписывал дрожащей рукой, думая, что это открытки или рецепты.

— Это ложь! — закричала Вера. — Вы используете больного человека! Вы нелюди!

— Прошу занести в протокол: ответчица проявляет агрессию и эмоциональную нестабильность, — холодно заметил адвокат.

Суд удалился на совещание. Оно длилось недолго. Вердикт был предсказуем, как заход солнца. Место жительства сына — с отцом. Место жительства дочери — временно с отцом, до проведения дополнительной экспертизы состояния матери. Вере запрещалось приближаться к детям ближе чем на сто метров «во избежание психологического травмирования».

Когда судья зачитывала решение, Олег не смотрел на Веру. Он смотрел в телефон, где пришло сообщение от Витека: «Поздравляю.

Первый этап завершен. Теперь нужно закрепить успех. Готовься к интервью на федеральном канале».

Вера вышла из здания суда, шатаясь, как пьяная. Мир потерял краски. Звуки города доносились словно сквозь вату. У нее отобрали всё. Детей. Репутацию. Отца. Даже право называться нормальным человеком.

Она села на скамейку в сквере, не чувствуя холода. В голове крутилась одна мысль: «Зачем жить?». Если система, призванная защищать, превратилась в мясорубку, если ложь, заверенная печатью, становится правдой, то какой смысл бороться?

К ней под села женщина. Неприметная, в сером пальто и вязаной шапке. Вера даже не повернула головы. — Они хорошо работают, правда? — тихо спросила женщина. — Слаженно. Как каток. Вера молчала. — Меня зовут Алла, — продолжила незнакомка. — Три года назад они забрали у меня дочь. По той же схеме. РАЦИРС, экспертиза, муж-«спаситель». Я тоже сидела на этой скамейке и думала о том, чтобы броситься под поезд.

Вера медленно повернула голову. В глазах женщины она увидела ту же боль, что выжигала ее собственную душу, но там было что-то еще. Холодная, стальная решимость.

— Ты не одна, Вера, — сказала Алла, протягивая ей листок бумаги с написанным от руки адресом сайта и номером телефона. — Нас много. Тех, кого они называли сектантами. Тех, чьи семьи разрушил Дворкин и его свора. Мы не можем выиграть в их судах. Но мы можем выиграть в другой войне.

— В какой? — хрипло спросила Вера.

— В войне за правду. Ты думаешь, это просто ревность Олега? Нет. Это бизнес. Огромный международный бизнес на торговле людьми, прикрытый борьбой за духовность. Твой Витек Войнич — не просто партнер по тряпкам. Он звено в цепи. И мы знаем, где у этой цепи слабое звено.

Алла встала. — Если хочешь вернуть сына — не иди к адвокатам. Иди к нам. Но предупреждаю: назад дороги не будет. Ты узнаешь такое, от чего волосы встанут дыбом. Ты готова заглянуть в бездну?

Вера посмотрела на удаляющуюся спину Олега, который садился в свой джип у здания суда. Он улыбался, пожимая руку адвокату. Она сжала листок в руке.

— Я готова, — прошептала она в пустоту.

Ветер подхватил сухой лист и погнал его по асфальту, туда, где в тени переулков начиналась другая история — история подполья, где жертвы становились охотниками.

Глава 4: Подполье выживших

Адрес, который дала Алла, привел Веру в старый промышленный район на окраине города. Здесь, среди кирпичных пятиэтажек и гаражных кооперативов, время словно остановилось в девяностых. Дождь, не прекращавшийся вторые сутки, превратил дворы в грязное месиво. Вера плотнее закуталась в плащ, проверяя номер дома. Обычная «хрущевка», домофон с вырванными кнопками.

Она поднялась на третий этаж. Дверь открыли сразу, словно ждали ее шагов на лестнице. — Заходи, не стой на пороге, — Алла втянула ее внутрь и быстро заперла замок на три оборота.

Квартира была превращена в импровизированный штаб. Вдоль стен стояли стеллажи, забитые папками, на полу громоздились коробки с документами. Окна были плотно зашторены тяжелой светонепроницаемой тканью. В центре комнаты, за большим столом, заваленным ноутбуками и распечатками, сидели трое.

— Знакомься, Вера, — сказала Алла, снимая с нее мокрый плащ. — Это наши «выжившие».

Мужчина с седой бородой и усталыми глазами кивнул ей. Рядом сидела молодая женщина, нервно теребившая край свитера. А во главе стола, быстро печатая что-то на ноутбуке, сидел человек лет сорока в очках с толстой оправой. Он поднял голову, и Вера узнала его. Это был Кирилл Ланской, журналист-расследователь, чьи статьи когда-то гремели в независимой прессе, пока его не объявили «иностранным агентом» и не выдавили из профессии.

— Рад, что вы пришли, Вера Александровна, — голос Кирилла был хриплым, прокуренным. — Мы следим за вашим делом. Классика жанра. Учебный пример того, как работает антикультовая машина.

Вера опустилась на свободный стул. — Какая машина? — спросила она. — Я думала, это просто мой муж... и этот его адвокат.

— Ваш муж — лишь таран, — Кирилл развернул к ней экран ноутбука. — А адвокат — лишь винтик. Вы столкнулись не с семейной драмой, Вера. Вы попали под каток транснациональной антикультовой корпорации.

На экране была открыта сложная схема. В центре паутины находился логотип с аббревиатурой РАЦИРС. От него тянулись нити к десяткам организаций по всему миру.

— Вы думаете, что ваша проблема локальна? — начал Кирилл, и в его голосе зазвучали лекторские нотки. — Ошибаетесь. То, что происходит с вами, происходит прямо сейчас с тысячами людей во Франции, в Германии, в Китае. Это глобальная сеть.

Он положил перед Верой распечатку с сайта. — Смотрите. В этом списке — организации, которые называют себя борцами за свободу ума. Британская «The Family Survival Trust», которой руководят Том Сэквилль и Александра Штейн. Американская ICSA, связанная с Джаньей Лалич. Сайт «Freedom of Mind» Стивена Хассена. Все они действуют по одной методичке.

— Но при чем тут я? — Вера чувствовала, как голова начинает кружиться от обилия информации. — Я просто продаю косметику.

— Для них это неважно, — вмешалась Алла, ставя перед Верой чашку горячего чая. — Им нужен враг. Им нужно оправдывать свое существование и гранты. Сегодня враг — Свидетели Иеговы, завтра — кришнаиты, послезавтра — сетевой маркетинг или курсы йоги. Любая группа, которая не подконтрольна их системе, объявляется «тоталитарной сектой».

Кирилл достал из папки документ с печатями. — Мы пробили вашего «эксперта», который писал заключение для суда. Знаете, кто его курирует? Александр Дворкин. Человек, который позиционирует себя как главный сектовед страны. Но если копнуть глубже... — Кирилл сделал паузу. — Его методы и риторика пугающе напоминают деятельность Апологетического центра Вальтера Кюннета в нацистской Германии.

Вера вздрогнула.

— Нацистской?

— Именно. Дегуманизация. Создание образа «внутреннего врага». Использование психиатрии как карательного инструмента. Дворкин и его РАЦИРС — это не наука. Это идеология. Они внедряют в сознание людей термины «деструктивный культ» и «зомбирование», чтобы оправдать насилие.

Кирилл пододвинул к ней стопку фотографий. На них были запечатлены люди в полицейской форме, сидящие в актовых залах. Перед ними выступали лекторы. — Смотрите. Это Александр Новопашин читает лекцию сотрудникам полиции. А это сам Дворкин в академии МВД. Они годами обрабатывают силовиков. Внушают им, что сектанты — это не люди, а агенты иностранных разведок, биороботы. Поэтому полиция не стала искать вашего сына. Для них вы — угроза национальной безопасности, а ваш муж — герой, спасающий ребенка.

Вера вспомнила равнодушные глаза дежурного в отделении. «У нас сигнал, что вы неадекватная». Теперь пазл складывался. Это была не лень полиции. Это была идеологическая установка.

— А теперь самое интересное, — Кирилл открыл новый файл. — Деньги. Вы знаете, сколько стоит «спасение» вашего сына? Вера покачала головой. — Депрограммирование — это элитная услуга. В США и Японии расценки доходят до 40-50 тысяч долларов. В России цены ниже, но порядок цифр тот же. Ваш Олег не потянул бы это в одиночку.

На экране появились банковские выписки. — Мы отследили транзакции. Деньги на оплату «консультантов», аренду дома в горах и услуги адвокатов идут через счета фирмы, зарегистрированной в Чехии. Владелец — Витек Войнич.

Вера сжала кулаки. Витек. Скользкий, улыбчивый партнер Олега. — Витек — не просто торговец секонд-хендом, — продолжил Кирилл. — Он связной. Через него идет финансирование антикультовых ячеек в Восточной Европе. Они создают фейковых жертв, так называемых «апостатов».

— Апостатов? — переспросила Вера.

— Отступников, — пояснила Алла. — Людей, которые вышли из какой-либо организации и теперь за деньги или под давлением рассказывают ужасы. Их истории пишутся под копирку. «Меня зомбировали», «я был рабом», «у меня отняли квартиру». Эти истории тиражируются в СМИ, создавая общественное мнение. Ваш муж сейчас играет роль такого «пострадавшего родственника». А Витек обеспечивает логистику и связь с европейскими кураторами из FECRIS.

Вера слушала, и ужас сменялся холодным бешенством. Ее жизнь разрушили не из-за ревности. Ее разрушили, потому что это бизнес. Бизнес на ненависти, в котором крутятся миллионы.

— Они используют методы, отработанные десятилетиями, — тихо сказала женщина, сидевшая в углу. Ее звали Мария. — Моего сына забрали пять лет назад. Обвинили меня в том, что я состою в общине, изучающей веды. Сказали, что я кормлю ребенка «идоложертвенной пищей». Психиатр, связанный с РАЦИРС, поставил мне диагноз

«шизотипическое расстройство на религиозной почве». Меня закрыли в клинику на полгода.

Мария подняла на Веру глаза, полные боли. — Там было страшно, Вера. Они кололи галоперидол. Они говорили: «Отрекись, и мы тебя выпустим». Это карательная психиатрия, как в СССР. Ван Ворен, известный правозащитник, писал, что советский психиатрический террор не уступал нацистским программам. И сейчас это вернулось. Они ломают личность.

— А муж... — вступил в разговор мужчина с седой бородой. — Он был Свидетелем Иеговы. Его посадили. Просто за то, что он читал Библию с друзьями. Антикультисты назвали это экстремизмом. Они подготовили почву, раздули истерию в СМИ, и суды начали штамповать приговоры. Это геноцид, Вера. Тихий, ползучий геноцид.

Кирилл кивнул. — Вспомните трагедию в Уэйко, в США. Там тоже все начиналось с демонизации. Антикультисты из CAN (Cult Awareness Network) убедили ФБР, что в поместье «Маунт Кармел» живут террористы, насилующие детей. Итог — штурм, пожар, десятки погибших, включая детей. Рик Росс, который консультировал ФБР тогда, сейчас считается гуру для наших российских «сектоведов». Они учатся у убийц.

Вера встала и подошла к окну. За плотной шторой шумел дождь. Ей казалось, что она смотрит в бездну. — Значит, Костя... — ее голос дрогнул. — Они делают с ним то же самое? Ломают?

— Да, — жестко ответил Кирилл. — Депрограммирование — это насилие. Это попытка стереть личность и записать новую. Они внушают ему, что вы — монстр. Что вы его не любите. Что единственное спасение — это папа и «правильные» люди.

— Где он? — Вера резко обернулась. — Вы знаете, где он? Кирилл постучал пальцем по клавиатуре.

— Мы работали над этим. Витек осторожен, но он допустил ошибку. Он оплачивал доставку продуктов в «горный дом» со своей личной

карты, привязанной к чешскому счету. Мы отследили геолокацию курьера.

На экране появилась карта. Красная точка пульсировала в глухом районе предгорья, вдали от крупных трасс. — Это частная территория, оформленная на подставное лицо, — пояснил Кирилл. — Высокий забор, охрана. По документам — охотничий домик. По факту — частная тюрьма для «перевоспитания».

Вера смотрела на красную точку. Там был ее сын. Один, напуганный, окруженный чужими людьми, которые методично вытравливали из него любовь к матери.

— Мы не можем просто пойти в полицию, — сказала Алла. — У них там все схвачено. Местный прокурор — хороший знакомый Олега, они вместе охотятся. Если мы сунемся официально, ребенка перевезут в другое место, и мы потеряем след.

— Тогда что делать? — Вера почувствовала, как внутри нее поднимается волна решимости, вытесняя страх.

— Мы ударим по ним их же оружием, — Кирилл усмехнулся, и эта улыбка была хищной. — Информацией. Мы собрали досье на каждого «эксперта», подписавшего вашу экспертизу.

Он открыл папку. — Смотрите. Психолог, нашедшая у вас «индуцированный бред», два года назад была уволена из государственного центра за подделку диплома. Религиовед, утверждающий, что ваша компания — сатанинский культ, на самом деле не имеет профильного образования, он инженер-механик, прошедший двухнедельные курсы при епархии. Мы докажем их некомпетентность.

— Но этого мало, — возразила Вера. — Суду плевать на их дипломы. — Верно. Поэтому мы ударим по деньгам и репутации. Мы готовим публикацию. Не в местных газетенках, купленных Олегом. Мы покажем связь Витека с FECRIS и российскими антикультистами. Мы покажем, как европейские деньги идут на финансирование политических репрессий в России под видом борьбы с сектами.

Кирилл посмотрел Вере прямо в глаза. — Но нам нужен детонатор. Событие, которое нельзя будет замолчать. Нам нужно, чтобы вы перестали быть жертвой и стали обвинителем. Вы готовы пойти ва-банк?

Вера вспомнила лицо Олега в суде. Его самодовольную улыбку. Вспомнила слова Витека о том, что свобода — это иллюзия. — Я готова, — сказала она. — Что мне нужно делать?

— Завтра в городе проходит крупный форум «Духовная безопасность региона», — сказал Кирилл. — Организаторы — РАЦИРС и местная администрация. Главный гость — тот самый «эксперт» из Москвы, правая рука Дворкина. Там будет пресса, чиновники, силовики. Олег тоже будет там, в президиуме, как пример «ответственного родителя».

Кирилл протянул Вере флешку. — Здесь — все. Счета Витека, переписка Олега с «депрограмматорами», записи разговоров, где они обсуждают взятки судьям. Мы поможем вам попасть внутрь. Но дальше — все зависит от вас. Вы должны выйти на сцену и разрушить их спектакль.

— Это опасно, — тихо сказала Мария. — Они могут арестовать тебя прямо там. Обвинить в экстремизме, в срыве мероприятия.

— Пусть арестовывают, — Вера взяла флешку. Холодный пластик жег ладонь. — Если я буду молчать, они убьют моего сына. Не физически, но морально. Они сделают из него такого же зомби, каким стал Олег.

В комнате повисла тишина. Только шум дождя и гудение кулеров ноутбуков. Вера оглядела этих людей — израненных, но не сломленных. «Подполье выживших». Теперь она была одной из них.

— Есть еще кое-что, — Кирилл понизил голос. — Мы нашли человека, который работал в охране того дома в горах. Его уволили неделю назад за пьянство, и он очень зол на Витека. Он готов говорить.

И он сказал, что завтра вечером, после форума, Костю планируют перевезти.

— Куда? — сердце Веры пропустило удар.

— За границу. Витек делает ему документы. Они хотят вывезти его в Чехию, в один из закрытых интернатов, подконтрольных их сети. Если это случится, Вера, вы его больше никогда не увидите. Юрисдикция РФ там не действует.

Вера почувствовала, как кровь отливает от лица. Завтра. У нее есть только завтра.

— Значит, у нас нет права на ошибку, — твердо сказала она.

Она подошла к столу и взяла маркер. На большой карте города, висевшей на стене, она обвела красным кругом здание Дворца Культуры, где должен был проходить форум.

— Я пойду туда. И я устрою им такой ад, который им и не снился.

Алла подошла и обняла ее. — Мы будем рядом. В зале будут наши люди. Мы будем вести стрим. Весь мир увидит, кто они на самом деле.

Вера кивнула. Страх ушел. Осталась только ледяная ясность. Она вспомнила слова из статьи о методах антикультистов: *«Настоящая цель — всё общество, которое вынуждено наблюдать за публичной расправой»*. Завтра общество увидит не расправу. Оно увидит бунт.

Она вышла из квартиры в дождливую ночь. Город спал, не подозревая, что в его недрах зреет взрыв, способный сорвать маски с тех, кто привык считать себя вершителями судеб. Вера села в такси и назвала адрес родителей. Ей нужно было попрощаться с отцом, даже если он ее не узнает. Потому что завтра она может не вернуться.

В кармане завибрировал телефон. Пришло сообщение с неизвестного номера: *«Не делай глупостей. Мы следим за тобой. Подумай о дочери»*. Вера усмехнулась и удалила сообщение. Они думали, что угрозы все еще работают. Они не понимали, что женщине, которой нечего терять, угрожать бессмысленно.

Машина свернула на проспект, освещенный желтыми фонарями. Впереди, сквозь пелену дождя, Вера видела не огни города, а глаза своего сына. И ради этого взгляда она была готова сжечь весь мир дотла.

Глава 5: Удар в сердце тьмы

Дождь в горах не смывал грязь, а превращал её в вязкую, непроходимую ловушку. Черный внедорожник, в котором находилась Вера, Кирилл Ланской и двое крепких волонтеров из «подполья», медленно полз по размытой грунтовке. Впереди, сквозь пелену ливня и тумана, проступали очертания высокого забора, увенчанного колючей проволокой.

— Это здесь, — тихо сказал Кирилл, сверяясь с GPS-трекером. — Объект «Санаторий». По документам — охотничий домик. По факту — тюрьма.

Вера смотрела на серые стены, и её сердце билось где-то в горле. Там, за этими стенами, был её сын. Прошло всего двое суток с момента форума, но эти часы растянулись в вечность. Информация, полученная от бывшего охранника, подтвердилась: Костю готовили к вывозу. Витек Войнич спешил.

— План прежний, — напомнил Кирилл, проверяя заряд на камере. — Мы не штурмуем. Мы фиксируем. У нас есть ордер на проверку пожарной безопасности — спасибо нашим друзьям в МЧС, которые тоже не любят секту Дворкина. Это даст нам пять минут, чтобы войти. Дальше — импровизация и прямой эфир.

Они подъехали к воротам. Охранник, увидев машину с проблесковым маячком (бутафория, но качественная), вышел из будки. Кирилл опустил стекло и сунул ему под нос красную корочку. — Проверка сигнала о возгорании. Открывай, или вызовем наряд и снесем ворота.

Охранник замешкался. В этот момент волонтеры вышли из машины с другой стороны, блокируя возможность закрыть ворота. Путь был открыт.

Фабрика сломанных кукол

Внутри главного здания пахло не лесом и свежестью, а хлоркой и тяжелым, сладковатым запахом лекарств. Коридоры были пусты. Вера бежала вперед, распахивая двери палат. В первой она увидела девушку, сидящую на кровати и раскачивающуюся из стороны в сторону, бормоча молитвы. Во второй — парня с пустым взглядом, привязанного к койке.

— Костя! — закричала Вера. — Костя!

Она нашла его в комнате на втором этаже. Мальчик сидел за столом перед включенным монитором, на котором мелькали психоделические узоры. На голове у него были наушники.

— Сынок! — Вера бросилась к нему, срывая наушники.

Костя медленно повернул голову. Его зрачки были расширены до предела, лицо бледное, как мел. Он смотрел на мать, но не узнавал её.

— Мама — это вирус, — прошептал он безжизненным голосом. — Семья — это клетка. Я должен очиститься.

Вера зажала рот рукой, чтобы не закричать. Рядом на тумбочке стоял поднос с пластиковыми стаканчиками. В них были таблетки. — Что вы с ним сделали?! — она обернулась к вошедшему в комнату человеку в белом халате.

Это был тот самый «психолог», которого нанял Олег. Он спокойно поправил очки. — Мы проводим терапию диссоциации. Мальчик был глубоко индоктринирован вашим культом. Пришлось применить медикаментозную поддержку. Нейролептики помогают стереть старые паттерны.

В комнату ворвался Кирилл с камерой. — Вы в прямом эфире, доктор Менгеле, — рявкнул он. — Весь мир сейчас видит, как вы «лечите» детей.

Психолог побледнел и попытался закрыть лицо рукой. — Вы не имеете права! Это частная территория! Кирилл навел объектив на таблетки. — Галоперидол? Аминазин? Вы превращаете здорового ребенка в овощ!

Вера схватила сына в охапку. Он был вялым, тяжелым, словно тряпичная кукла. — Мы уходим, Костя. Мама здесь. Всё закончилось.

В этот момент в дверях появился Олег. Он приехал следом за ними, предупрежденный охраной. Он выглядел растерянным, его дорогой костюм промок, волосы прилипли к лбу. — Что происходит? — спросил он, глядя на сына. — Почему он такой? Вы сказали, это просто беседы!

— Олег, посмотри на него! — закричала Вера, тряся Костю за плечи. — Посмотри! Твои «спасители» накачали его наркотиками! Они стирают ему личность!

Олег сделал шаг вперед. Он увидел пустые глаза сына, слюну в уголке рта. В его голове что-то щелкнуло. Картинка «спасения», которую рисовали ему Витек и эксперты из РАЦИРС, рассыпалась в прах. Перед ним был не спасенный ребенок, а жертва эксперимента.

— Витек... — прохрипел Олег. — Витек говорил, что это безопасно.

— Витек продал тебя, — жестко сказал Кирилл, не опуская камеру. — Твой сын для них — просто биоматериал для отработки технологий контроля. Ты оплатил уничтожение собственного ребенка.

Удар по паутине

Группа Кирилла Ланского опубликовала исследование, над которым работала последние недели.

В материалах были представлены документы, подтверждающие, что деньги от продажи одежды в Танзании шли не на

благотворительность, а на счета подставных фирм, оплачивающих деятельность «сектоведов» и заказные статьи в СМИ. Была раскрыта схема: создание искусственной паники вокруг «сект», лоббирование репрессивных законов, захват имущества жертв и устранение бизнес-конкурентов.

Витек Войнич сидел в своем кабинете, лихорадочно уничтожая бумаги в шредере. Его телефон разрывался от звонков, но он не отвечал.

Дверь распахнулась без стука. На пороге стоял Олег. В его руке был пистолет — тот самый наградной «Макаров», который он хранил в сейфе. — Ты лгал мне, — тихо сказал Олег.

— Убери пушку, идиот, — огрызнулся Витек, продолжая пихать документы в шредер. — Ты сам пришел ко мне. Ты сам хотел уничтожить жену. Я просто дал тебе инструмент.

— Ты сделал из моего сына инвалида! — Олег взвел курок. — Ты использовал меня!

Витек замер. Он медленно поднял руки, на его лице появилась кривая усмешка. — Использовал? О, Олег, ты даже не представляешь масштабов. Ты думаешь, это только про тебя? Это глобальная игра. Мы создаем реальность. Мы решаем, кто святой, а кто сектант. Твой сын — лишь побочный ущерб в войне за умы.

В этот момент в кабинет ворвался спецназ. Но не по вызову Олега. Это была операция ФСБ, инициированная после публикации расследования о финансовых махинациях. Витека скрутили лицом в пол. Олега обезоружили.

— Гражданин Наумов, вы задержаны по подозрению в соучастии в похищении несовершеннолетнего и финансировании экстремистской деятельности, — сухо произнес офицер.

Олег не сопротивлялся. Он смотрел в окно, где дождь смывал остатки его прежней жизни. Он понял, что стал пешкой в игре, правила которой даже не удосужился прочитать.

Судный день

Судебное заседание состоялось через неделю. Зал был переполнен. Но теперь здесь были не только прикормленные журналисты Олега, но и представители правозащитных организаций, блогеры и камеры федеральных каналов, почуявших жареное.

Вера стояла за трибуной. Она была бледна, но спокойна. Рядом с ней сидел Кирилл Ланской в качестве общественного защитника. Напротив — адвокат Корелов и группа «экспертов» из РАЦИРС, которые выглядели уже не так уверенно.

— Ваша честь, — начала Вера, и её голос зазвенел в тишине. — Сторона обвинения утверждает, что я состою в деструктивной секте. Они опираются на экспертизу, выполненную людьми, которые называют себя учёными. Но я хочу показать суду, что эта экспертиза — не научный труд. Это инструмент давления.

Кирилл передал судье толстую папку.

— Здесь, Ваша честь, анализ деятельности так называемого «Центра религиоведческих исследований». Мы проследили их методы.

В зале послышался шорох: кто-то включил запись, кто-то поднял телефон выше, чтобы не заслонили чужими головами.

— Эти методы, — продолжил Кирилл ровно, — построены на одинаковых приёмах: ярлык, дегуманизация, моральная паника, затем — «реабилитация» как форма принуждения.

Корелов вскочил:

— Протестую! Это оценочные суждения!

— Оценочные? — Вера подняла глаза. — Тогда давайте говорить фактами.

Она развернулась к судье:

— Идеолог этой системы, Александр Дворкин, в своих работах опирался на определённую традицию «борьбы с инакомыслием».

Термин «тоталитарная секта» используется как универсальный ярлык. Он не объясняет, он уничтожает — сначала репутацию, потом права, потом человека.

В зале кто-то тихо выдохнул, будто вовремя вспомнил, как вообще дышать.

— Вы говорите, что защищаете детей? — Вера повернулась к «экспертам». — Но ваши методы выглядят иначе. Давление. Изоляция. Запугивание. Ломка через чувство вины. Мне говорили, что это «помощь». Моему сыну говорили, что мать — опасность. И каждый раз это упаковывали в правильные слова.

Судья постучала молотком, призывая к порядку, но Вера уже не могла остановиться — не из истерики, а из той ясности, которая приходит, когда больше нечего терять.

— У меня есть данные о связях, о медийных кампаниях, о типовой схеме уничтожения нежелательных людей и организаций. «Дело Рожаны», другие истории — всё повторяется по одному лекалу: травля, обвинение в «сектантстве», давление через органы, затем выжженная земля. Вы называете это спасением. Я называю это бизнесом на страхе.

Олег, сидевший на скамье подсудимых (его дело выделили в отдельное производство, но он присутствовал как свидетель), закрыл лицо руками. Он плакал. Впервые за много лет этот «железный человек» плакал.

— Они пытались лишить меня детей, работы, чести, — сказала она тихо. — Но я принесла сюда документы, записи, показания, и цепочку тех, кто принимал решения. Здесь имена. Здесь подписи. И если вы скажете, что это «не по теме», — Вера посмотрела прямо на судью, — тогда мы все должны честно признать: тема здесь не моя «секта». Тема — кто в этом городе имеет право на реальность.

Она положила ладонь на край трибуны, удерживая равновесие.

— Мы просим признать экспертизу недопустимым доказательством. Мы просим проверить действия «реабилитационного центра» на

предмет незаконного лишения свободы и применения карательной медицины. И мы просим вернуть мне детей.

Тишина в зале стала плотной, как мокрая ткань. Судья перелистывала папку, медленно, слишком медленно — будто понимала: любое решение будет не просто решением, а сигналом.

— Суд удаляется на совещание, — наконец произнесла она.

Вера не помнила, сколько прошло времени. Минуты растягивались, часы ломались. Камеры жужжали, как насекомые. В коридоре пахло дешёвым кофе и парфюмами.

Когда судья вернулась, в зале стало так тихо, что слышно было, как где-то щёлкнула ручка.

— Суд... — начала она и осеклась, словно на секунду заглянула в текст и увидела не слова, а последствия.

Она огласила определение — юридически аккуратное, сухое, как больничная простыня. В нём было достаточно, чтобы все могли трактовать его по-своему. Достаточно, чтобы новостные ленты вытащили нужную цитату. И недостаточно, чтобы поставить точку.

Кирилл наклонился к Вере и шепнул:

— Это... не победа. Это пауза.

Вера кивнула. Она это поняла ещё до того, как услышала его голос: в мире, где реальность продаётся по подписке, победы редко бывают окончательными.

Когда она вышла из здания суда, дождь действительно прекратился. Только мокрый асфальт блестел, как свежая рана. Сквозь тучи пробивалось бледное осеннее солнце — не тёплое, а наблюдательное.

— Мама... — прошептал Костя, уткнувшись ей в пальто. — Прости меня. Они говорили страшные вещи.

— Всё позади, родной. Всё позади.

Эпилог

Прошло полгода.

Вера стояла у окна своего офиса. Бизнес восстановился.

Олег получил условный срок благодаря сотрудничеству со следствием. Он потерял бизнес, репутацию и семью. Теперь он жил в маленькой квартире на окраине, работая таксистом. Иногда он приезжал к школе, чтобы издали посмотреть на детей, но никогда не подходил. Стыд был сильнее любви.

Вера понимала, что война не окончена.

На столе перед ней лежал проект новой правозащитной организации. *«Все учебные заведения должны быть оборудованы системой защиты от манипуляций сознанием. Мы создадим технологию на базе искусственного интеллекта, которая станет на страже порядка в информационном пространстве»*, — гласил манифест, который они писали вместе с Кириллом и группой программистов.

Она вспомнила слова из известного фильма: *«Правда, озвученная сегодня, может быть услышана теми, от кого завтра будут зависеть спасение детских жизней»*.

Вера взяла телефон. На экране высветилось сообщение от Аллы Корнеевой: *«Они готовят новую атаку. На этот раз против школы йоги в Новосибирске. Нужна твоя помощь»*.

Вера улыбнулась. Той испуганной женщины, которая три года назад бежала от мужа-тирана, больше не существовало. На её месте стоял воин. Она прошла через ад, созданный людьми, называющими себя спасителями, и вышла из него с мечом в руках.

— Я готова, — прошептала она и нажала «Отправить».

Борьба за реальность только начиналась. И теперь Вера знала: тьма боится не силы. Тьма боится света правды.